

Её отец круглый год отсутствовал в секте, его днём с огнём не сыщешь. По крайней мере, удастся потянуть время, а к тому моменту она уж точно поймет, стоит ли становиться даосским спутником Ши Ушэ.

— Второй старший братец... — Хуа Чжао чувствовала себя крайне неуверенно. Она придвинулась ближе к Ши Ушэ и снова поцеловала его в кончик носа.

Ши Ушэ слегка опустил голову, но уворачиваться не стал, позволив Хуа Чжао уткнуться губами прямо в нос.

Прижавшись щеками друг к другу, они провели так несколько мгновений в нежности, но Хуа Чжао всё равно казалось, что Ши Ушэ вроде как сердится.

Хуа Чжао тут же почувствовала себя мерзавцем из тех дешевых романов, который заманивает в постель порядочных девушек, а потом затягивает пояса и отказывается брать на себя ответственность.

— Второй старший братец? Второй старший братец, скажи хоть что-нибудь.

Ши Ушэ ничего не ответил. Рука, которая до этого висела вдоль тела, шевельнулась — он сжал в рукаве нефритовую табличку связи, и та слабо вспыхнула.

Хуа Чжао продолжала тереться о него носом, пытаясь умиловить, и спустя мгновение Ши Ушэ наконец соизволил снова поднять на неё взгляд.

Затем он подхватил прильнувшую к нему Хуа Чжао на руки и поднялся с кровати.

Ши Ушэ понял, что Хуа Чжао вовсе не хочет становиться его даосским спутником, а вчерашняя ночь... скорее всего, была лишь её мимолетной прихотью, забавы ради. К тому же она уже давно поклялась в вечной верности Се Фу, и вся секта знала об их взаимной любви. Да и сама она прошлой ночью говорила, что если он прикоснется к ней, Се Фу точно этого не простит.

Тогда кто он такой? И чем была прошедшая ночь? Ши Ушэ хотелось лишь рассмеяться.

Однако бурлящая в меридианах духовная сила остудила и его пыл, и скрытую ярость, и сейчас выражение его лица напоминало гладь глубокого безмолвного озера — ни единого признака потери самообладания.

Хуа Чжао не понимала его, но раз он взял её на руки, это значило, что страница перевернута!

Тра-ля-ля!

Хуа Чжао снова повеселела.

Ши Ушэ бросил на неё взгляд и, заметив, что она крепко обвила руками его шею, подхватил её под ноги одной рукой, а другой сорвал с плеч свой плащ.

Темно-синий плащ, расписанный защитными рунами учеников Сысина, взметнулся в воздухе и с головой накрыл Хуа Чжао.

Когда Ши Ушэ поудобнее перехватил её, из-под наброшенного плаща донеслось глухое, идущее из самой груди:

— Как скажешь.

Вибрация от голоса передалась через соприкосновение их тел, и от этого крошечного ощущения Хуа Чжао невольно вся задрожала.

Ши Ушэ согласился!

Как же легко его уговорить, хи-хи-хи-хи.

Хуа Чжао стянула с головы и лица наброшенный плащ и, полностью довольная, прижалась к плечу Ши Ушэ, задрав голову, чтобы полюбоваться его точеным подбородком.

Она подумала, что Ши Ушэ — поистине прекрасный человек!— Второй старший брат, отпусти меня, я могу идти сама, я сначала вернусь в свою комнату... — пробормотала Хуа Чжао, пытаясь выбраться из его объятий.

Снаружи уже рассвело, и если кто-то увидит, как Ши Ушэ выносит её из комнаты на руках, это будет выглядеть совсем неподобающе.

Ши Ушэ не только не отпустил её, но и крепче прижал к себе. Он даже склонил голову, коснувшись подбородком лба Хуа Чжао, заставляя её снова улечься на сгиб его руки.

Затем, всё так же не выпуская Хуа Чжао, он распахнул дверь.

Хуа Чжао прищурилась, привыкая к яркому свету. Она уже собиралась сказать: Правда, не нужно меня нести, я могу сама дойти, — но стоило ей повернуть голову, как она увидела человека, стоящего прямо перед дверью.

Тот был одет в светло-голубые ученические одежды секты Меча Цинлин. Сжимая в руке длинный меч, он стоял под карнизом дома, в дымке утреннего тумана, оставшегося после дождя. Его благородная осанка и изящные черты лица делали его похожим на божество, воплотившееся из утренней горной прохлады; при виде него невольно перехватывало дыхание.

Только минувшей ночью Хуа Чжао в своих снах яростно сражалась с ним, исцарапав его прекрасное лицо, и теперь, столкнувшись с ним лицом к лицу без всякой подготовки, она едва не лишилась дара речи от потрясения.

Се Фу!

Сцена мгновенно застыла, погрузившись в мертвую тишину.

Хуа Чжао сначала уставилась на Се Фу, а затем с хрустом повернула голову и испепелила взглядом Ши Ушэ.

Ши Ушэ продолжал крепко держать её, не позволяя вырваться, и, полностью игнорируя возмущенный взгляд Хуа Чжао, лишь бесстрастно смотрел на Се Фу. Однако, неизвестно почему, Хуа Чжао чувствовала, что от всего Ши Ушэ исходит подавляющая, грозная

свирепость.

Се Фу тоже мрачно уставился на Ши Ушэ. Он был чуть ниже ростом, и оба смотрели друг на друга практически глаза в глаза.

Его зрачки были невероятно черными, белки и зрачки — отчетливо различимыми, до безумия ясными.

Хуа Чжао уже и не помнила, сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз видела молодого Се Фу, но ей сейчас было не до того, чтобы восхищаться его юношеским обликом. Прожив с Се Фу столько лет, она знала: чем ярче блестели его глаза, тем сильнее бушевало в нем скрытое пламя гнева.

Когда в нем просыпалось убийственное намерение, он даже начинал улыбаться.

Хуа Чжао не понимала, как ситуация могла дойти до такого петушиного боя.

Но ее охватило беспричинное чувство вины. Инстинктивно ей захотелось все объяснить, но, приоткрыв рот, она вдруг вспомнила, что сейчас вовсе не женщина Се Фу — она же переродилась!

Поэтому Хуа Чжао постаралась напустить на себя уверенности.

Однако эта уверенность не успела даже заглушить ее тревогу, как собиравшиеся вместе на изгнание нечисти ученики секты Цинлин один за другим стали сбегаться к этой комнате.

— Второй старший брат, мы получили срочный зов по нефритовой табличке связи, что-то... — Ух ты... — возглавивший группу младший соученик с миловидным лицом и круглыми кошачьими глазами подбежал ближе, сжимая в руке Нефритовую табличку связи. Заметив странную и напряженную атмосферу, он запнулся и нерешительно спросил: — Что здесь происходит?

Хуа Чжао посмотрела на собравшихся у дверей культиваторов, и у нее от ужаса онемела кожа на голове.

Мира на троих и без того было тесно, что они вообще удумали!

Выражения лиц прибывавших один за другим культиваторов пестрели всей гаммой эмоций, а у некоторых рты открылись так широко, что туда запросто поместилось бы куриное яйцо.

Хуа Чжао вспомнила, как Ши Ушэ незадолго до этого водил пальцем по Нефритовой табличке связи у себя в рукаве... Тогда она лишь заметила, как блеснул нефрит, и не придавала этому никакого значения.

Она и помыслить не могла, что стоило ей подумать: Ши Ушэ ведь такой хороший человек, как ее тут же звонко отхлещут по щекам до синевы.

Ши Ушэ явно сделал это нарочно.

Мужчина и женщина выходят из растерзанного, разгромленного помещения: он держит ее на руках, а она закутана в его накидку, и от обоих разит чужими ароматами — при таком раскладе не требовалось произносить ни единого лишнего слова.

Теперь Ши Ушэ даже не нужно было ничего докладывать старшим: в самое ближайшее время вся секта Цинлин узнает, что у нее, Хуа Чжао, шуры-муры с Ши Ушэ.

Хуа Чжао приоткрыла рот и отчаянно попыталась опуститься на землю.

На этот раз Ши Ушэ не стал ее удерживать. Напротив, едва Хуа Чжао коснулась пола ногами, он поддержал ее за подбородок ладонью и, склонившись, легко коснулся губами ее виска.

У Хуа Чжао чуть голова не взорвалась на месте.

Только что в комнате она сама целовала Ши Ушэ, пытаясь его умиловить, а он хранил полное молчание, но сейчас, на глазах у изумленной публики, он вытворял бог весть что!

При виде этой сцены по рядам учеников прокатилась волна сдавленных вздохов, от которых Хуа Чжао была готова сквозь землю провалиться!

Красивое лицо Се Фу окрасилось легким румянцем, а пальцы, сжимающие рукоять меча, побелели от напряжения.

Этот дармовой рис я съем первым, не обессудьте.

Он слегка изогнул губы в улыбке.

Это был верный признак того, что он вознамерился убить соперника, но Хуа Чжао паническая тревога застила глаза, и она ничего не заметила!

Она торопливо отпрянула от Ши Ушэ, увеличивая дистанцию.

Какая же она была дура, круглая дура — она лишь помнила, что Ши Ушэ любит ее, любит до безумия, готовый исполнить любой ее каприз.

Но она совершенно позабыла, что в прошлый меридиан он был Повелителем демонов!

Пусть даже Ши Ушэ ступил на путь демонов из-за разрушенных меридианов, не позволявших ему постигать бессмертие, разве мог истовый последователь темных искусств обладать мягким и кротким нравом от рождения?

И уж тем более — как человек, проложивший себе путь к вершинам власти среди кровожадных и жестоких обитателей Расы демонов, мог оказаться безобидным паинькой?

Сделав еще несколько шагов назад, Хуа Чжао внезапно о чем-то вспомнила и испуганно взглянула на Печать лотоса на своей руке.

В этот момент меч Се Фу уже вылетел из ножен, и яростный шквал вместе с лезвием клинка со свистом обрушился прямо на Ши Ушэ. Издав звенящий гул, Ши Ушэ мгновенно возвел духовный щит, отражая свирепый удар Се Фу.

Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь!

Оскорбительный для слуха скрежет металла зазвучал с пронзительной частотой. Учеников тут же охватило тяжелое удушье, а тот самый младший соученик с кошачьими глазами, стоявший ближе всех, схватился за грудь и отлетел назад, сметенный бушующими волнами ци меча.

Их уровни культивации были крайне слабы: почти все находились на стадии Очищения Ци. Сборе же слабаков, где каждый стоил друг друга.

Единственным культиватором на стадии Закладки Основания среди них был Ши Ушэ, а единственным, кто при всей своей принадлежности к стадии Очищения Ци обладал выдающимся талантом и превосходил силой собственный уровень, оставался Се Фу.

Стоило этой парочке сойтись в бою, как беда пришла откуда не ждали — пострадали все вокруг. Мало того что стоявших за дверью учеников разметало порывами ветра, так и саму Хуа Чжао в комнате ударило под дых, отчего в глазах у нее на мгновение потемнело.

С чего это они вдруг начали драться?!

Задетая бушующими потоками энергии, Хуа Чжао шатаясь отступила к самому окну. Внутри комнаты всюду бушевали вспышки духовного света: двое бойцов уже слились в едином смертельном танце. Светло-голубые ученические одеяния и темно-синий халат мелькали в сиянии ци с такой скоростью, что было невозможно разобрать, кто из них быстрее!

Кое-как удержавшись на ногах у подоконника, Хуа Чжао ошеломленно и с рябью в глазах наблюдала, как сражающиеся в комнате мужчины кружат всё на своем пути, словно пронесшийся буран, и вся попадавшаяся им под руку мебель в одно мгновение обращалась в пыль.

Будь это в прошлой жизни, увидев драку между соучениками, Хуа Чжао, даже не разобравшись в причинах, непременно бросилась бы их разнимать, не щадя собственной жизни.

Но то была прошлая жизнь.

В этой жизни Хуа Чжао твердо решила ни за что не лезть ни в какие чужие дела!

Поэтому она лишь приоткрыла рот, тут же захлопнула его обратно и даже не испытывала ни малейшего желания выкрикнуть дежурное: «Не деритесь!».

В конце концов, убедившись, что Печать лотоса на ее запястье не проявляет признаков увядания, она поняла: даже если все вокруг узнали о ее интрижке с Ши Ушэ, на генеральном сюжете этого мира катастрофически это не отразится.

Сейчас ее собственная жалкая культивация едва достигала второй ступени стадии Очищения Ци, а после того как вчера вечером Колокол Подавления Духа вытянул из нее силы, ее состояние и вовсе оставалось нестабильным, так что задерживаться здесь дольше было никак нельзя!

Не колеблясь ни секунды, Хуа Чжао обернулась, распахнула оконную створку и полезла наружу.

Как говорится, пусть лучше погибнет товарищ, чем ты сам. Хуа Чжао уносила ноги без малейших угрызений совести. Едва она открыла окно, как кто-то снаружи тут же схватил её за руку, выволок наружу и, крепко ухватив, бросился бежать.

Они бежали до тех пор, пока не оказались в соседнем дворе, где их уже точно не могло задеть. Только тогда человек, тащивший её, отпустил руку.

Запыхавшись, она обернулась и, уставившись на Хуа Чжао, возмущённо спросила:

— Ты... ты как оказалась в... в комнате второго старшего брата?!

Хуа Чжао, упираясь ладонями в колени, не поднимала головы. Услышав эту запинаящуюся речь, она на мгновение замерла, словно внутри у неё всё опустело.

Затем она резко вскинула голову и посмотрела на девушку, чей палец был готов вот-вот ткнуть её прямо в лоб.

Это была простая, невзрачная девчушка, на вид не старше семнадцати-восемнадцати лет.

У Хуа Чжао защемило в носу, она едва не расплакалась на месте. Раскрыв рот, она выдохнула:

— Маленькая Заика?!— Ма-малышка-заика!

С тех самых пор, как Хуа Чжао переродилась, она держалась спокойно и даже умело строила планы, как бы найти влиятельного покровителя и больше не напрягаться.

Но только в этот миг она по-настоящему почувствовала, как ее кровь бешено забурлила, а в груди так сильно заколотило, что сердце едва не заныло от боли.

Она схватила заика в охапку и крепко-крепко прижала к себе.

Это же заика!

— Са-сама ты заика! — заика, оказавшись в объятиях, некоторое время задыхалась — Хуа Чжао сдавила ее так сильно, что воздуха не хватало, а от прозвища ее миловидное личико вспыхнуло от гнева. — Пус-сти, пус-сти, пус-сти, пус-сти, отпусти! Воздуха не хватает!

Но Хуа Чжао и не думала отпускать, лишь крепче обняла заика, а слёзы текли по щекам, и совладать с ними было совершенно невозможно.

Это была её давняя подруга.

Вот только в прошлой жизни эта заика была ещё слепее неё самой, выбрав себе в мужа черствого, лишенного совести высокомерного ублюдка. Мало того, что она была крайне несчастна в жизни, так еще и погибла страшной смертью.

Тогда Хуа Чжао и Се Фу попали в беду среди Расы демонов, подверглись засаде и получили тяжелые ранения — они оказались в полном окружении, со всех сторон им грозила опасность. И тогда заика тайком прибежала, чтобы предупредить их и указать безопасный путь для бегства.

Вот только из-за того, что она сбежала ради этого предупреждения, на обратном пути её убили злоумышленники.

У Хуа Чжао тогда даже не было времени оплакать её: из-за того, что они с Се Фу держались вместе, одна за другой следовали смертельные опасности, потрясения и покушения — у неё просто не оставалось ни минуты покоя. А когда она наконец стала Императрицей Юйсяо, подчинила Расу демонов, приняла участие в правлении, получила власть над жизнью и смертью и смогла бы отомстить за заика, то обнаружила, что демоны, убившие её, уже давно сгинули в пучине междоусобиц Расы демонов.

Она чувствовала себя так, будто изо всех сил ударила клинком по воде: всё, к чему она стремилась всю свою жизнь, можно было описать лишь четырьмя словами — бессилие перед лицом неизбежного. Хуа Чжао много размышляла о своём перерождении. Она дала себе слово, что в этот раз ни за что не повторит прежних ошибок, однако было много вещей, о которых она попросту боялась думать.

Например... о том, что сможет вот так по-настоящему обнять подругу, которую когда-то не успела спасти.

— Пус-с-сти! — Маленькая заика наконец сумела оттолкнуть Хуа Чжао. — Ты ещё... будешь... обзывать! Я с тобой... рассорюсь! — Маленькая заика покраснела от возмущения. На самом деле, у неё было очень грозное имя — Цзи Ша, в честь ракшасы.

Жаль, что столь внушительное имя досталось такому пугливому кролику. Она была младшей дочерью в клане Цзи, знатном роде заклинателей, росла в неге и обожании, и характер у неё был до крайности простодушный.

Заметив, что Хуа Чжао плачет, Цзи Ша опешила, отступила на шаг и настороженно произнесла:

— Я... я не... не обижала тебя! Не вздумай... не вздумай... жаловаться!

Хуа Чжао замерла, внезапно вспомнив, что в то время была известна в горах как главная доносица. Вечно держала себя с видом святой, пекущейся о благе всего мира, и не терпела даже крупницы «скверны» в глазах.

Кто из старших сестёр закрутил роман с простым смертным, кто из младших братьев тайком съел плод духовного дерева на заднем дворе, кто утаил клык демонического зверя при изгнании нечисти — стоило ей узнать, она тут же бежала докладывать учителю, требуя сурового наказания. А поскольку её наставник, старейшина Хунбо, души в ней не чаял, на деле она была весьма неприятной особой.

Хуа Чжао лишь спустя долгое время осознала, насколько была невыносима. В то время почти никто из учеников не хотел с ней водиться.

Маленькая заика, честно говоря, тоже не горела желанием общаться. Хуа Чжао помнила, что их отношения никогда не были близкими, но, когда она попала в беду, именно Цзи Ша прислала ей предупреждение.

— Ты...

— Я больше не буду, — Хуа Чжао улыбнулась, смахнула с лица слёзы, обуздав волнение и посмотрела на Цзи Ша с нежностью. — Я больше никогда так не скажу...

— Хмпф! — Цзи Ша сердито сверкнула глазами, посчитав, что прощает её.

Вскоре она снова спросила:

— А почему ты... в... в...

Цзи Ша разволновалась, слова окончательно застряли у неё в горле, личико вспыхнуло ещё ярче. Она активно замахала руками в сторону дома неподалёку, окружённого толпой учеников, но договорить не могла.

Хуа Чжао сразу поняла её и с улыбкой ответила:

— А, ты об этом? Я пробыла ночь в покоях второго старшего брата.

Она пожала плечами: пока Печать лотоса не увяла, ей было совсем не важно, кто узнает о её отношениях с Ши Ушэ. Она произнесла это так буднично, будто говорила: «Сегодня погода неплохая»:

— Второй старший брат, когда устранял Цветочного демона Яоби, заразился миазмами страсти.

— Источник его желания — я, и кроме меня никто не сможет его спасти, так что прошлой ночью я помогла ему избавиться от миазмов и переспала с ним.

У Цзи Ша отвисшей челюсти хватило бы, пожалуй, чтобы разглядеть собственный желудок; в этот момент она не могла вымолвить ни слова — был виден лишь её широко раскрытый рот, в котором от этой новости, подобной небесному грому, непрерывно дрожал маленький язычок.

Хуа Чжао снова усмехнулась, похлопала её по плечу и произнесла:

— Оглохла от страха? Второй старший брат хоть и выглядит свирепым, но со мной он очень нежен.

Э-э... Хуа Чжао потерла затылок о то место, которым прошлой ночью приложилась о кровать. Вообще-то, строго говоря, это трудно было назвать нежностью.

Она собственной рукой захлопнула рот Цзи Ша, с весьма довольным видом приобняла её и слегка развернулась, глядя на двор, окруженный толпой неподалеку.

Группа людей наперебой угощала друг друга уговорами, и когда до Хуа Чжао донеслись их голоса, ей сразу захотелось рассмеяться.

— Не деритесь же!

— Что за дела, о чем вам среди соратников нельзя спокойно поговорить...

— Второй старший брат, младший брат Се, умоляю, прекратите драку!

...

Опираясь на Цзи Ша, Хуа Чжао посмотрела в ту сторону и с некоторым любопытством спросила:

— Эй, а ты знаешь, из-за чего второй старший брат и Се Фу сцепились?

Хуа Чжао не помнила, чтобы в этот момент сюжета Ши Ушэ и Се Фу когда-либо сходились в бою.

Наблюдая за весельем и ничуть не боясь раздуть пожар, Хуа Чжао произнесла:

— С самого утра ни слова друг другу не сказали и сразу полезли драться, какая же у них кровная обида?

Цзи Ша с оцепенелым выражением лица потерла собственный подбородок, чуть не вылетевший из суставов от потрясения, и от пережитого искуса даже перестала заикаться.

— Кровная... месть за похищение жены!

— Что? — Хуа Чжао скосила взгляд на Цзи Ша.

Цзи Ша сначала указала на Хуа Чжао, потом на тот самый двор и, выплевывая слова по одному, произвела на свет:

— Ты и... с Се Фу сошлась. И... со вторым... старшим... братом переспала!

— Кровная... месть за похищение жены!

Сначала Хуа Чжао не расслышала и уже собиралась сказать: «Ты что, шутишь?», как вдруг осеклась.

Она попыталась мысленно восстановить события этого временного отрезка, но минуло более четырех сотен лет, и Хуа Чжао совершенно не помнила, в какой именно момент она в прошлом сошлась с Се Фу.

Неужели... в этот самый момент она уже крутила с Се Фу?

Она не помнила! В памяти сохранилось лишь смутное воспоминание о том, как второй старший брат из-за миазмов страсти чуть не обесчестил её, после чего она бросилась искать младшего брата Се Фу...

Ах!

Так она побежала к Се Фу именно потому, что в этот момент они уже состояли в отношениях?!

Матушка моя!

Теперь она наконец поняла, почему Се Фу и Ши Ушэ начали драку, не обменявшись и полным словом.

То, что она по простоте душевной считала обычной ночевкой, на деле оказалось застиганием на месте преступления!

Пока Хуа Чжао пребывала в шоке, вдали раздался глухой грохот, и толпа уговаривавших их у входа адептов в мгновение ока разлетелась во все стороны, словно потревоженная стая обезьян с рухнувшего дерева.

Се Фу парил в самом воздухе, двумя руками занеся меч и яростно обрушивая его на духовный щит в руках Ши Ушэ. Вокруг зияли руины, а дом уже наполовину обвалился.

Оба в эпицентре разрушений довели глаза до кроваво-красного цвета, их приемы становились все более свирепыми и безжалостными.

Пусть Се Фу и был Сыном Небесного Пути, в конце концов он обладал лишь стадией Очищения Ци. Вести бой с Ши Ушэ, перепрыгивая через ступени культивации — какими бы безупречными ни были его навыки владения мечом, он совершенно не мог тягаться с ним на равных.

Ши Ушэ даже не обнажал свой меч: обратив свирепые порывы ветра в острые клинки, он уже изрезал в клочья ученическое одеяние Се Фу. Это явно было не просто превосходство — это было унижение.

Хуа Чжао посмотрела в ту сторону: Ши Ушэ с абсолютной легкостью отражал атаки Се Фу и даже умудрился на миг бросить взгляд в сторону Хуа Чжао.

На его лице почти не отразилось никаких перемен, но уголки губ изогнулись в крайне пренебрежительной усмешке, словно говоря: «Ты отвергла меня, и вот кого ты выбрала себе в даосские спутники?»

Хуа Чжао онемела от макушки до самых пят.

Она намертво зажала себе рот руками.

Она всю жизнь творила добро и накапливала заслуги — если она сейчас расхохочется в голос, не растеряются ли все её накопленные заслуги?

В конце концов Хуа Чжао не выдержала и хихикнула.

Внутри неё разлилось невыразимое, не подлежащее огласке облегчение, особенно когда она увидела, как Се Фу под давлением духовного щита Ши Ушэ рухнул на землю!

Бывает же день на нашей улице и для этого ублюдка!

В сердце Хуа Чжао не было и тени угрызений совести из-за того, что её «застали в постели». Напротив, она испытывала невиданную легкость — словно застрявший на долгие годы в груди комок ваты вырвался наружу вместе с кровью и плотью, принеся с собой долгожданное освобождение.

Теперь ей до безумия хотелось узнать, каково это — каково приходится Се Фу.

Испытывает ли он точь-в-точь то же удушающее чувство, какое испытывала она тогда, когда он взял в жены другую?

Хуа Чжао вовсе не испытывала ненависти к Се Фу.

Она не переродилась с тяжелым грузом обид и жаждой мести в сердце, и в этой жизни у неё не было никого, кого бы она страстно желала уничтожить. Она даже думала о том, что в этой жизни вполне может держаться с Се Фу в параллельных мирах, не пересекаясь — в конце концов, ей никак нельзя было идти против Сына Небесного Пути, ведь добром это точно не кончилось бы.

<http://bllate.org/book/22424/2354330>